

ФУНКЦИЯ ФАНТАСТИКИ В ЖЕНСКИХ ОБРАЗАХ М.А. БУЛГАКОВА

Ким Сунггеон

*ФГАОУ ВО Казанский (Приволжский) федеральный университет,
420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д.18*

e-mail: kimgun18@mail.ru

поступила в редакцию 29 ноября 2019 года

Аннотация

Статья посвящена выявлению функций фантастики в женских образах М.А. Булгакова. В изученных нами работах, посвященных анализу фантастического начала и женских образов в творчестве писателя, обозначены два основных женских типа, к которым тяготеют персонажи писателя: Богоматерь и демоническая женщина. Однако вслед за исследователями мы приходим к выводу, что у М.А. Булгакова отсутствует четкое разделение этих ипостасей. Спецификой функционирования фантастического в женских образах становится его постепенное проявление, когда обычные земные женщины обнаруживают связь с потусторонними силами: божественными или демоническими. В этом и состоит основная функция фантастики в создании женских образов.

Ключевые слова: *Михаил Булгаков, фантастика, женский образ, «Мастер и Маргарита», «Белая гвардия».*

Введение. Фантастика входит уже в ранние произведения М.А. Булгакова и продолжает оставаться одной из ведущих черт творчества писателя. О специфике фантастического у М.А. Булгакова размышляют практически все исследователи. Так, И.Е. Ерыкалова в книге «Фантастика Булгакова» пишет, что «для Булгакова фантастика – ключ к познанию действительности, ее законов, истинного масштаба событий» [1]. Корейский литературовед замечает, что «только учитывая приверженность Булгакова к фантастике, можно правильно понять его литературный мир» [2]. Ю. Карась, соотнося М.А. Булгакова с Н.В. Гоголем, указывает на основные особенности булгаковской фантастики: «Она характеризуется, во-первых, рационалистической мировоззренческой основой, т.е. фантастика является в некотором смысле параболической, иллюстративной по отношению к идее. У Булгакова фантастическая образность укладывается в некоторый секвенциональный порядок, воспроизводящий идейный смысл произведения. Это заметно прежде всего в Мастере и Маргарите. Во-вторых, что подчеркивается критикой особенно сильно, фантастика Булгакова, как и Гоголя (в Петербургских повестях) вырастает из действительности, а точнее из быта» [3]. Н.В. Голубович пишет о двух направлениях фантастики в его произведениях: «...фантастические похождения (например, «Похождения Чичикова», «Приключение покойника», «Дьяволиада») и превращения-метаморфозы («Крысиный разговор», «Багровый остров», «Приключения стенгазеты», «Роковые яйца», «Собачье сердце»)» [4].

Целью нашего исследования становится выявление особенностей использования фантастики в создании писателем женских образов и эволюции фантастического в данном аспекте. Новизна исследования состоит в попытке определить специфику и функцию проявления фантастического в женских образах.

Основная часть.

Являясь наследником русской романтической традиции, прежде всего в лице Н.В. Гоголя, М.А. Булгаков и в интерпретации женских образов во многом сближается с великим предшественником. Возможно, поэтому в реалистических, по сути, «Записках юного врача»

появляется фантастический образ старухи из рассказа «Морфий»: «И вот вижу, от речки по склону летит ко мне быстро, и ножками не перебирает под своей пестрой юбкой колоколом, старушонка с желтыми волосами... В первую минуту я ее не понял и даже не испугался. Старушонка как старушонка. Странно – почему на холоде старушонка простоволосая, в одной кофточке?.. А потом: откуда старушонка? Какая? Кончится у нас прием в Левкове, разъедутся последние мужицкие сани, и на десять верст кругом – никого. Туманцы, болотца, леса! А потом вдруг пот холодный потек у меня по спине – понял! Старушонка не бежит, а именно летит, не касаясь земли. Хорошо? Но не это вырвало у меня крик, а то, что в руках у старушонки – вилы...» [5]. Безусловно, фантастическое здесь мотивировано болезненным состоянием героя-морфиниста, у которого возникает это видение. Но в образе стремительно летящей старухи уже проступают черты будущих персонажей-ведьм.

В дальнейшем главной особенностью в женских образах у М.А. Булгакова становится то, что он строит их на принципе постепенного проявления фантастического начала. В начале произведений героини являются обычными земными женщинами. Но важно отметить, что все они не укоренены в низменно-бытовом, как бы приподняты над ним. Так, Елена, которая тесно связана с домом и, казалось бы, должна растворяться в быте, скорее, правит домом, что подчеркнуто символической чертой – «корона рыжих волос».

В развитии действия истинная суть женских образов, прежде всего, через портретные детали, которые и окружают их своеобразным фантастическим ореолом. Подчеркнутая красота героинь М.А. Булгакова становится знаком исходящего от них соблазна. Елена, Юлия, Ирина, Явдоха в «Белой гвардии», Зойка в «Зойкиной квартире», Маргарита, Наташа, Гелла в романе «Мастер и Маргарита» – все они в разных ситуациях выступают в роли соблазнительниц, искусительниц и в этом качестве связанных с inferнальными силами. Той же Елене в финале романа снится Шервинский, исполняющий арию Демона. Следует отметить, что тип искусительницы издавна существовал в русской культуре, наряду с типом Богоматери. Размышляя о двух пробразах, давших толчок осмыслению женского в русской культуре, – Еве и Деве Марии, Е.И. Сулица отмечает, что первая отождествлялась с пособницей нечистой силы [6].

Специфическое проявление такого рода inferнально-фантастического в женских образах можно показать на примерах образов Явдохи и Юлии из романа «Белая гвардия». Писатель подчеркивает молодость и красоту Явдохи, которая привлекает Василису: «в блеске монист на царственной екатерининской шее, в босых стройных ногах, в колышущейся упругой груди» [7]. Но Явдоха оказывается «знамением», «прекрасным видением», зубы у которого сверкают, как у вампира. Юлия описана как «эгоистка, порочная, но обольстительная женщина», в облике которой тоже акцентируется такая деталь, как ее ноги: «Она и появилась, ее нога в черном чулке» [8]. Указывая на «магнетический эротизм» Юлии, который является «традиционным в поэтике Булгакова знаком демонического женского образа», Бобрицких отмечает, что путь в дом Юлии и пребывание в ее доме изображается через inferнальные и демонические мотивы [9]. Г.Л. Нефагина тоже утверждает, что Юлия поработает раненного Алексея «эротическим влечением» [10]. И В.А. Коханова отмечает, что Юлия в романе «Белая гвардия» имеет образ «женщины-колдуньи» [11]. Inferнальное начало в героинях часто подчеркивается цветовой символикой. Рыжие волосы Елены и Геллы, зеленые глаза Маргариты, частый черный цвет в описании их внешности.

Однако амбивалентность, присущая в целом художественному миру М.А. Булгакова, проявляется и структуре женских образов. Одновременно в них проступает и другая сторона, связанная с открывающейся способностью изменить ход событий, спасти близкого человека, сохранить равновесие. Особенно очевидно это проявляется в образе Елены из романа «Белая гвардия» и Маргариты в романе «Мастер и Маргарита». В последнем романе писателя

фантастическое в женских образах проявляется уже открыто: в преображениях героинь. В работе В.В. Селезневой выделены несколько типов ведьм, которые присутствуют в этом романе: не только Маргарита, которая преобразается в ведьму («вынужденная ведьма»), но и «ведьма по происхождению» Гелла; «ведьма по греху» Фрида; «бытовая ведьма» Аннушка; и «ведьма по желанию» Наташа [12].

Однако амбивалентный характер образа Маргариты проявляется в жертвенном послы ее преобразования и в поведении на весеннем балу Сатаны.

В выявлении второй ипостаси героинь главенствующую роль начинает играть другой мотив – мотив света. Это подчеркивается и во внешности: в глазах Елены «приятный блеск»; Юлия «блеснула глазами».

Другой стороной функционирования этого мотива становится его пространственная реализация. Героини М.А. Булгакова часто показываются рядом с огнем или в светлом пространстве. С помощью этой световой символики они приобретают черты богини.

В этом же плане активным потенциалом обладают и их имена. Так, Е.Ю. Кольшева в своей работе «Образ жемчуга в наименовании героини» отмечает, что имя Маргарита связывает героиню с образом жемчуга, который считается «воплощением женского начала и источника света жизни» и «слез прекрасной богини» [13].

Однако античные мотивы сочетаются у Булгакова с христианскими. Как известно, «у Булгакова было церковное детство» [1414]. Например, А.С. Wright, анализируя образы персонажей в романе «Мастер и Маргарита», указывает на их связь с «Иудео-христианской традицией (Judeo-Christian tradition)» [1515]. А. Кураев пишет об остроте постановки проблемы веры в романе «Белая гвардия» [1614]. Это позволяет соотносить образы булгаковских героинь с образом Богородицы. В русской культуре этот образ связан с идеей спасения. В древнем апокрифе «Хождение Богородицы по мукам» Божья Матерь молится Богу за облегчение участи грешников в аду. Мотив сошествия Богородицы в ад становится одним из важных для М.А. Булгакова в его создании образов героинь, которые заботятся о других людях, прежде всего о семье. И Елена, молящаяся за своего умирающего брата, и Маргарита, жертвующая собой ради Мастера, оказываются «уподобленными Богородице» [17].

Фантастическое у Булгакова, таким образом, становится признаком мистического, то есть связи героинь со сверхъестественными силами в мире как божественными, так и демническими.

Заключение.

Итак, женские образы в творчестве М.А. Булгакова строятся в рамках романтической традиции. Их специфика связана с отсутствием укорененности в бытовом, приподнятостью над ним, но в то же время они связаны с важнейшей для М.А. Булгакова категорией равновесия/порядка и выступают в роли хранительниц порядка.

Специфика фантастического в женских образах состоит в принципе его постепенного проявления. Показанные изначально как вполне реальные земные женщины, героини писателя раскрывают свою связь со сверхъестественными силами в мире как божественными, так и демоническими. В этом и состоит главная функция фантастического начала.

«Завуалированная» фантастика в условно-реалистических женских персонажах проявляется в подчеркнуто необычной красоте героинь и цветовой символике, которая обозначает их связь с типом искусительницы.

Другая ипостась в героинях связана с образом Богородицы. Это проявляется в активном функционировании мотива света и ситуации «сошествия Богородицы во ад», которая становится лейтмотивной в описании судеб героинь.

***Благодарность.** Хотелось бы выразить благодарность, в частности, кандидату филологических наук, доценту кафедры русской и зарубежной литературы Казанского (Приволжского) федерального университета Махиной Наталье Георгиевне за помощь в подготовке публикации.*

Список литературы

- 1) Ерыкалова И.Е. Фантастика Булгакова: Творческая история. Текстология. Литературный контекст. – СПб.: Изд-во СПбГУП. 2007. 284 с.
- 2) Paik S.M. Antagonism of Fantasy and Reality: Focusing on M. Bulgakov's Fantasy novels // The Korean Association of Russian Language & Literature Korean Journal of Russian Language and Literature. 2015. № 27(2). P. 55-78.
- 3) Карась Ю. Фантастическое в творчестве М. Булгакова и Н. Гоголя (Петербургские повести – Дьяволиада – Мастер и Маргарита) // Studia Rossica Posnaniensa. 1993. Vol. XXIII. P. 53-60.
- 4) Голубович Н.В. Художественные модели реальности в прозе М. Булгакова 1920-х гг. и принципы их создания // Вестник РУДН. Сер. Теория языка. Семиотика. Семантика. 2013. № 4. С. 47-55.
- 5) Булгаков М.А. Собрание сочинений в 10 томах. Том 1. Записки на манжетах. Дьяволиада. Рассказы, фельетоны, очерки (1919–1924). М.: Голос. 1995. 655 с.
- 6) Сулица Е.И. Женские типы «искусительницы» и «злой жены» в русской повести конца XVII – начала XVIII вв. // Вестник славянских культур. 2014. Т. 4. № 34. С. 168-177.
- 7) Булгаков М.А. Собрание сочинений в 10 томах. Т. 4. Белая гвардия. Дни Турбиных. Роман, пьесы. М.: Голос. 1997. 672 с.
- 8) Булгаков М.А. Собрание сочинений в 10 томах. Т. 4. Белая гвардия. Дни Турбиных. Роман, пьесы. М.: Голос. 1997. 672 с.
- 9) Бобрицких Л.Я. О традиции женского демонизма серебряного века в романе М. Булгакова «Белая гвардия» // Михаил Булгаков, его время и мы / под ред. Гжегожа Пшебинды и Януша Свежего. Краков. 2012. С. 213-224.
- 10) Нефагина Г.Л. Демоническое начало женских образов М. Булгакова // Русский язык и культура в зеркале перевода. М.: Высшая школа перевода (факультет) Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. 2016. № 1. С. 359-367.
- 11) Коханова В.А. Архетип женщины в романе М. А. Булгакова «Белая гвардия». / В.А. Коханова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2007. № 2. С. 159-166.
- 12) Селезнева В.В. Архетип ведьмы в структуре женских образов романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Стриж. Волгоград: Волгоградский государственный социально-педагогический университет. 2017. № 1(12). С. 52-56.
- 13) Кольшева Е.Ю. Образ жемчуга в наименовании героини (роман М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита») // Новый филологический вестник. М.: Московский городской педагогический университет. 2007. № 1(4). С. 200-208.
- 14) Кураев А. «Мастер и Маргарита»: За Христа или против? 3-е изд., доп. и перераб. М.: Проспект. 2017. 272 с.
- 15) Wright A.C. Satan in Moscow: An Approach to Bulgakov's The Master and Margarita // Publications of the Modern Language Association. 1973. Vol. 88. № 5. P. 1162-1172.
- 16) Кураев А. «Мастер и Маргарита»: За Христа или против? 3-е изд., доп. и перераб. М.: Проспект. 2017. 272 с.
- 17) Кураев А. «Мастер и Маргарита»: За Христа или против? 3-е изд., доп. и перераб. М.: Проспект. 2017. 272 с.